

№ 3 (Новогодній).

Цѣна 10 коп.

1906 г.

НАГАЕЧКА

ЭХО СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

ОРГАНЪ НЕЗАВИСИМОЙ МЫСЛИ.

Выходитъ еженедѣльно, въ зависимости отъ
интереса текущихъ событій.



Съ Жовыжъ Тодожъ!

„Нагаечка“.

Вотъ ужъ нѣсколько столѣтій, какъ нагаечка господствуетъ на святой Руси. Ни въ одной странѣ нагаечка не составила себѣ такую громкую извѣстность, какой она пользуется у насъ. Нѣтъ ни одной губерніи, ни одного уѣзда, ни одного глухого захолустья, селенія или деревни, гдѣ бы не появлялась нагаечка. Нѣтъ ни одного обывателя, безъ различія пола, возраста, сословія и національности, который на своей собственной шкурѣ не извѣдалъ бы всю ея прелесть. Нѣтъ той спины, которую нагаечка не погладила. Нѣтъ ни одного студента, кого бы она не драла.

„Слухъ о ней прошелъ по всей Руси великой
И долго будетъ въ памяти народъ ее хранить“.

Всюду нагаечка находитъ себѣ широкое примѣненіе, всюду есть для нея „дѣло“, есть для нея „работа“: нагаечка „усмиряетъ“ строптивыхъ „крамольниковъ“ и „насыщаетъ“ голодныхъ крестьянъ. Нагаечка изгоняетъ „свободы“, возвѣщенные манифестомъ 17 Октября, и „просвѣщаетъ“ учащуюся молодежь. Нагаечка душитъ мысль, живое слово и зажимаетъ всѣмъ рты. Нагаечка — это волшебный жезлъ въ рукахъ министровъ. Ею они „водворяютъ порядокъ“ и управляютъ страной, гдѣ „все обстоитъ благополучно“. Но... *tempora mutantur et nos mutamur in illis*. Нагаечка становится слабѣе. Она теряетъ свою мощь, въ ней ослабѣваетъ сила. Она доживаетъ свой послѣдніе дни. Вмѣсто нея появилась другая. Это „Нагаечка“ наша. Теперь мы ею владѣемъ, она въ на-

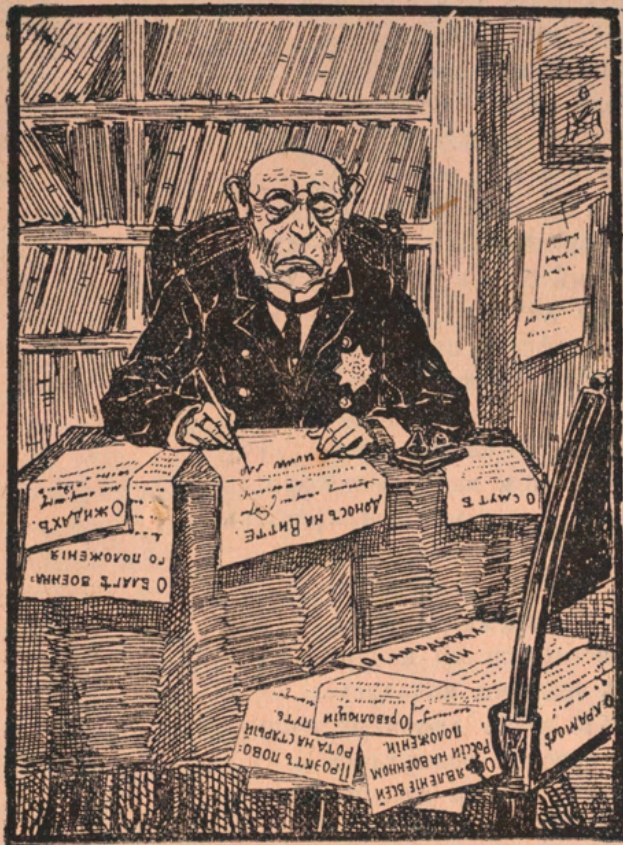
шихъ рукахъ. Пусть трепещутъ передъ ней тѣ, кто до сихъ поръ такъ широко пользовался ею и ни на минуту не выпускалъ ее изъ своихъ рукъ. Правда, наша „Нагаечка“ не причиняетъ физической боли, она не изъ толстаго бычачьяго ремня, она не вышибетъ однимъ ударомъ глазъ у курсистки или раскроить черепъ студенту, зато морально она „хлещетъ“ гораздо больнѣй. Она воздастъ каждому по заслугамъ, будь то министръ, шпионъ или генералъ или купецъ, общественный дѣятель или жалкій пигмей. Наша „Нагаечка“ пойдетъ „гулять“ по спинамъ тѣхъ, кто вѣками держалъ народъ въ цѣпяхъ позорнаго рабства, кто задерживалъ въ немъ умственный ростъ, гналъ свѣтъ, истину и правду, кто окружалъ его безпросвѣтной тьмой. Наша „Нагаечка“ будетъ хлестать тѣхъ, кто довелъ страну до полного роззоре-нія, кто творилъ безправый судъ, обкрадывалъ казну, опустошалъ цѣлые города, селенія, кто по міру пустилъ вдовъ и сиротъ. Наша „Нагаечка“ будетъ „драть“ тѣхъ, кто превратилъ школы и храмы науки въ тюрьмы да казармы, кто массами разстрѣливалъ народъ, не разбирая ни правыхъ, ни виновныхъ, кто захлебывался въ крови старцевъ, женщинъ и дѣтей. Наша „Нагаечка“, наконецъ, будетъ прочищать дорогу къ лучшей жизни, свѣтлой, радостной, свободной и добиваться права жить, а не метаться, какъ затравленный волкъ, между нагаечкой правительства.

Бичъ.

Экстренная телеграмма изъ Одессы *).

По распоряженію Генерала Карангозова политико-сатирическій журналъ „Нагаечка“ конфискованъ и изъятъ изъ розничной продажи въ Одессѣ. Редакція предъявить искъ къ генералу Карангозову объ убыткахъ.

(*) «Молва», 31 декабря 1905 г.).



Хоть и отъ дѣла я ушелъ,
Но дѣло новое нашелъ!
Имѣя цѣлый день досугъ,
Пишу царю, какъ старый другъ,
И день и ночь скрипя перомъ,
Что все у насъ стоитъ верхъ дномъ,
Что Витте, старый интриганъ,
Поймалъ правительство въ капканъ
И всю Россію намутилъ,
И сферы высшія смутилъ;
Что если тысячу полковъ
Свирѣпныхъ, преданныхъ донцовъ
Пустить хозяйничать у насъ—
Тутъ революція скажетъ насъ!..
Что „мы“ „имъ“ дали—отобрать,
И будетъ тишь да благодать!

Бѣдоносцевъ.



Минувшій годъ.

Промчался быстро и тревожно
Минувшій годъ. Ужъ съ января
Народъ позналъ, что невозможно
Такъ дальше жить. И вотъ заря
Кроваво-огненно зажглася
Надъ бѣдной Русью тутъ и тамъ...
И кровь повсюду полилася—
По деревнямъ и городамъ...
Пошелъ спокойно за Гапономъ,
Забравши женщинъ и дѣтей,
Фабричный людъ—но по „законамъ“
Свинецъ ихъ встрѣтилъ... градъ плетей...
Ихъ слушать вовсе не желали,
Но, не жалѣя ничего,
Повсюду залпами встрѣчали...
Зачѣмъ стрѣляли? Отчего?..
Кровь беззащитныхъ, кровь святая
Текла по улицамъ рѣкой
И, къ отомщенью призывая,
Борцовъ родила новый строй;
Зажгла въ груди преемко пламя,
Завѣтъ борьбы она дала,
И развернула красно знамя,
Впередъ на бой она звала!
И въ бой пошли, въ комъ сердце было,
Любовь къ свободѣ кто имѣлъ,
Кому рабомъ жить опостыло,
Кто человѣкомъ быть хотѣлъ...
И вся Россія всколыхнулася,
Возстала Лодзь, возсталъ Кавказъ,
Отъ долгой спячки вдругъ проснулись
Варшава съ Польшей... и не разъ
По всей Россіи раздавались
Сухіе выстрѣлы солдатъ,
Повсюду снова проливались
Потоки крови... Сущій адъ!
Крестьяне хлѣба не имѣли,
(Ихъ обираютъ каждый годъ)
Но силой взять они сумѣли,
Что было ихъ, что былъ ихъ потъ!..
И черноморскій флотъ возсталъ
За братство, равенство, свободу.
Онъ ясно всѣмъ намъ показалъ,
Что отстранить отъ насъ невзгоду,
Что намъ въ борьбѣ поможетъ онъ,
Возстанетъ на призывный звонъ...
...А на востокъ въ это время
Велась безумная война,
И гибло въ ней Россіи сѣмя...
А въ этомъ чья была вина?...
—Все тѣхъ же мерзкихъ супостатовъ,
Кто дома кровь рѣкою лилъ:
Бездушныхъ, лживыхъ бюрократовъ!..
Вампиръ Россіи—кровь все пилъ.
Въ Цусимскомъ морѣ потопили
Людей безъ счету, безъ конца;

Погибли тѣ, кого любили
 Родныя, близкія сердца!
 Таеъ жить нельзя! И всѣ рѣшились
 Активно выступить впередъ.
 На время молча притаились...
 Потомъ поднялся весь народъ...
 На шумныхъ митингахъ рѣкой
 Лился звукъ рѣчи молодой:
 Онъ вразумлялъ, онъ пояснялъ,
 На жизнь глаза всѣмъ открывалъ...
 На этихъ митингахъ народныхъ
 (Вездѣ въ Россіи однородныхъ)
 Всѣ согласились прекратить
 Вездѣ работу, производство
 И гордо, громко объявить
 О стачкѣ общей, что банкротство
 Повсюду можетъ учинить.
 Смутилась бюрократовъ свора,
 Не знали, что имъ дѣлать тутъ,—
 Такого мощнаго отпора
 Не ждалъ кровавый русскій спрутъ!
 На сцену выступилъ графъ Витте,
 Который только передъ тѣмъ
 Миръ заключилъ и міромъ всѣмъ
 Онъ встрѣченъ былъ: „герой, смотрите!“
 И вотъ нашъ Витте, графъ портсмутскій,
 Съ размаху хватъ—въ одинъ присѣсть
 Россіи пишетъ манифестъ
 О конституціи нашей, русской!
 Не долго думая, впередъ
 Даетъ Россіи пять свободъ!
 Мы сердцемъ вспрыгнули тогда;
 Купили дорогой цѣною
 Свободу мы! Но не бѣда,
 Возьмемъ мы все, что брали съ бою!
 Въ день манифеста ужъ съ утра
 Повсюду слышалось—ура!!
 Народъ громадною толпой
 Направился во храмъ науки,
 Держа знамена надъ собой
 И къ небу простирая руки.
 На улицахъ вездѣ народъ
 Подъ краснымъ знаменемъ идетъ
 И гимнъ свободѣ распѣваетъ,
 И падшихъ въ битвахъ вспоминаетъ...
 Но въ этотъ радостный для всѣхъ
 Свободы ясной первый день,
 Среди веселья и утѣхъ
 Упала темная вдругъ тѣнь:
 Желая храбрость показать,
 Войска безжалостно стрѣляли,
 Чтобъ за свободу наказать!
 (Фроловъ и Минъ ихъ поощряли),
 И громъ ихъ выстрѣловъ открылъ
 Намъ тайну нашей конституціи
 И, охладивъ нашъ жаркій пылъ,
 Толкнулъ на почву революціи!
 Свободъ намъ дали цѣлыхъ пять,
 Но какъ воспользоваться ими,
 Того не должно было знать

И пользоваться ихъ не могли мы.
 Свободъ собраній—ерунда,
 Ихъ не бывало никогда,
 Свобода слова—точно также
 Еще чѣмъ прежде стала гаже:
 Почти что всѣ редактора
 Внесли по штрафу за себя
 И въ предварилкѣ посидѣли—
 Казенный хлѣбъ они тамъ ѣли.
 Свобода личности—объ этомъ
 (Мнѣ совѣстно предъ бѣлымъ свѣтомъ)
 Объ этомъ—лучше помолчу,
 Писать объ этомъ—не могу...
 Другія двѣ свободы тоже
 Чортъ знаетъ на кого похожи!
 Союзъ крестьянъ, телеграфистовъ,
 Рабочихъ иль телефонистовъ—
 Все это намъ запрещено
 Овсе-торговцемъ Дурново!
 Правительство же не дремало!
 Вездѣ погромы начались...
 Погибло здѣсь людей не мало
 Дома повсюду подожглись...
 Погромы шли, а власти что же?
 Они бездѣйствовали?—Да!!
 Мракъ ночи былъ для нихъ дороже,
 А жизнь людей—то не бѣда!
 Желая ветхіе устои
 Насколько можно поддерживать,
 Для черной сотни всѣ покои
 Полиція стала открывать.
 И вотъ въ Михайловскомъ манежѣ
 Брато-убійственная рѣчь
 Рѣкою льется... Это что-же?...
 Свободный духъ хотятъ пресѣчь?!
 Повсюду стали нападать
 На барышень и на студентовъ,
 На первыхъ встрѣчныхъ „тилигентовъ“,
 Свободныхъ гражданъ убивать.
 Свободу черной сотни дали,
 Всѣхъ прочихъ крѣпче лишь прижали.
 Но что-же вышло?—Ничего!
 Возстали моряки въ Кронштадтѣ
 А въ Севастополѣ чего,
 Чего-то ни было! (Въ Дармштадтѣ,
 Какъ говорятъ, заволновались
 И очень сильно испугались).
 Хотя удалось имъ придавить
 Морскіе бунты, но впередъ
 Они узнали, что народъ
 Не дастъ себя имъ задавить!
 Но это было лишь начало,
 Что было дальше—то важнѣй,
 Того правительство не ждало:
 Раздался мощный звукъ цѣпей,
 Разбитыхъ храбро латышами.
 За ружья всѣ они взялись—
 И развернулись передъ нами
 Картины, какъ они дрались!
 Вездѣ властей они прогнали,

Порядокъ новый завели,
 Что было барское—сожгли,
 А неимущихъ охраняли.
 Постыдно власти всѣ бѣжали
 (Теперь ужъ новыхъ понаслали),
 Войска не могутъ совладать
 И имъ подмогу стали слать.
 (Чѣмъ кончится возстанье, это—
 Покажетъ будущее лѣто!)
 ...А насъ все больше прижимали,
 Хватали, въ тюрьмы насъ сажали;
 Ужъ арестованъ Хрусталева,
 Совѣтъ рабочихъ депутатовъ,
 (Хоть и родился новый вновь).
 Вотъ такъ дѣляны бюрократовъ!
 Но всѣхъ по тюрьмамъ посадить—
 Не хватить мѣста, какъ тутъ быть?
 И снова начали стрѣлять
 И беспокойныхъ убивать!..
 Москва же глухо волновалась,
 Въ ней вспышка гнѣва ожидалась.
 И вотъ отправили туда
 Для усмиренія моряка.
 Дубасовъ нашъ уже въ Москвѣ—
 „При мнѣ, чтобъ не было нигдѣ
 Крамолы больше на землѣ“...
 Такъ говорилъ морякъ отважный,
 И вѣрноподанный и важный;
 Онъ адресъ въ Петербургъ послалъ
 И все „спокойство“ описалъ.
 Но онъ жестоко обманулъ:
 Едва на утро онъ проснулся,
 Какъ ужъ гонцы къ нему идутъ
 И вѣсти страшныя несутъ:
 —Въ Москвѣ повсюду баррикады,
 Вагоны, балки—все въ громады
 Въ твердыни сложены вездѣ
 И не пройти теперь нигдѣ!—
 „Послать пѣхоту, если можно!“
 —Нѣтъ, адмиралъ, то—невозможно!..
 „Такъ кавалерію отрядите,
 Шрапнелью пушки зарядите!
 Стрѣляйте вы во всѣ концы,
 Убьете много—молодцы“...
 И начался кровавый бой:
 Повсюду плачь и стонъ и вой!
 Грохочутъ выстрѣлы вездѣ—
 Здѣсь убивали, какъ нигдѣ!
 Летятъ карнизы, рамы, ниши,
 Тамъ разрываются на крышѣ
 Шрапнели, ядра и картечи!
 Трещать повсюда пулеметы
 И крови некуда ужъ течъ!
 Опомнитесь вы, и...
 Къ чему все это поведетъ:
 Васъ население проклянетъ!
 ...За баррикадой въ три аршина
 Сидитъ, запрытавшись, дружина,
 Въ своихъ враговъ она стрѣляетъ.
 Ее ничто не утомляетъ:

Растутъ засады, какъ грибы,
 Къ возстанью звукъ зоветъ трубы...
 И всѣ, кто могъ—тотъ помогалъ.
 Ужъ не одинъ десятокъ палъ!
 Но храбро держатся они
 И цѣлы ночи, цѣлы дни...
 Такъ десять дней они держались,
 Какъ львы степные они дрались
 Пока изъ Петербурга къ нимъ
 Не высланъ былъ полковникъ Минъ.
 Громадной силѣ уступая,
 Въ порядѣ полномъ отступая,
 Они на этотъ разъ сдались.
 Кто могъ уйти—тѣ разошлись,
 А остальныхъ перехватили
 И многихъ прямо... разстрѣляли...
 ...Печальный годъ—минувшій годъ,
 Какъ много пережилъ народъ!

Владимиръ Ивановичъ.



МИНУ!

Чѣмъ теперь вы будете,
 Храбрый Минъ,
 Что теперь заслужите,
 Какой чинъ?
 Генерала, кажется,
 Дадутъ вамъ—
 На Руси прославится
 Всякій „хламъ“.

Павель Градскій.







ОБЗОРЪ ГАЗЕТЪ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ.

Появившіеся слухи въ нѣкоторыхъ газетахъ, что въ Москвѣ организовалась большая революціонная партія, невѣрны. Крамолы и смуты тамъ нѣтъ. Это плодъ досужей фантазіи газетныхъ писакъ. Невѣрны также и сообщенія объ аграрныхъ движеніяхъ, происходящихъ по всей Россіи. Крестьяне ни на что не жалуются. Земскіе начальники ихъ не сбываютъ и не притѣсняютъ. Земли у нихъ имѣется еще съ избыткомъ. О голодѣ они и понятія не имѣютъ, такъ какъ у нихъ изъ года въ годъ обильный урожай. Въ деревняхъ и селахъ все обстоитъ благополучно. Относительно произведенныхъ будто бы повсемѣстно массовыхъ арестовъ по политическимъ причинамъ съ цѣлью обнаруженія разнаго оружія, такіе слухи ложны. Тюрьмы и „предварилки“ не только не переполнены, а наоборотъ, все время пустуютъ. Въ скоромъ времени предполагается за ненадобностью совсѣмъ ихъ упразднить. Забастовокъ нигдѣ нѣтъ и не было. Почтово-телеграфные чиновники приносятъ повинную и просятъ прощенья у г. Дурново, такъ какъ они по легкомыслию „поддались“ нѣкоторымъ забастовавшимъ мятежникамъ. Желѣзныя дороги правильно установились и на станціяхъ нѣтъ никакихъ задержекъ. Крушенія съ поѣздами нигдѣ не было. Вѣзда на нихъ не опасна. Мирные жители массами не разстрѣливаются, какъ о томъ сообщается во многихъ газетахъ, если же и бываютъ такіе случаи, то это происходитъ по просьбѣ самихъ крестьянъ. Въ Москвѣ изъ пушекъ не стрѣляли, а если стрѣляли, то наведены онѣ были ни на мирныхъ жителей, а по воробьямъ. Драгуны и семеновцы во главѣ съ полковникомъ Миномъ пользуются среди населенія сердечной заботливостью и любовью за ихъ гуманное отношеніе къ мирнымъ москвичамъ. По просьбѣ ихъ оставлены на дальнѣйшіе славные семеновцы и продолженіе положенія о чрезвычайной охранѣ. Что же касается постановленія адмирала Дубасова, что жители города Москвы не должны выходить на улицу позже 7 часовъ вечера подъ страхомъ быть разстрѣляннымъ, то такое распоряженіе послѣдовало послѣ того, когда москвичи сами на этомъ настаивали. Вообще адмиралъ Дубасовъ ничего не предпринимаетъ и не дѣлаетъ такого, чтобы клонилось въ ущербъ интересамъ московскихъ гражданъ. Заботливость адмирала Дубасова доходитъ даже до того, что онъ рѣшилъ предоставить населенію свободное движеніе не только по своимъ собственнымъ корридорамъ въ домахъ, но и безпрепятственное движеніе на улицахъ до 7 часовъ вечера.

Джигить.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАДАЧИ

(для дѣтей младшаго возраста).

1. По послѣднимъ частнымъ извѣстіямъ въ Горловкѣ (Бахмутскій уѣздъ) во время безпорядковъ изъ числа рабочихъ убито 360 и ранено 12.500 человекъ, а по сообщеніямъ телеграфнаго агентства, сочувствующаго дѣйствіямъ графа Витте, указано, что въ Горловкѣ убито 2 и ранено 12 человекъ. Найти разность числа убитыхъ и раненыхъ данныхъ чиселъ.

2. Для открытія народнаго университета нужна сумма въ 200,000 рублей, а для сформированія нѣсколькихъ полковъ казаковъ, правительствомъ недавно израсходовано 1.000,000 рублей. Спрашивается, сколько народныхъ университетовъ можно было бы открыть на эти деньги.

3. Въ С.-Петербургѣ насчитывается 1½ милліона жителей и каждый день происходятъ обыски среди нихъ по подозрѣнію въ держаніи оружія безъ установленныхъ разрѣшеній. Спрашивается, сколько времени требуется для того, чтобы обыскать всѣхъ обывателей.

4. Газета „Слово“ сообщаетъ, что генералъ-маіоръ Орловъ, посланный для умирненія Прибалтійскаго края, повѣсилъ одного изъ начальниковъ попутныхъ желѣзнодорожныхъ станцій за отказъ дать поѣздъ для слѣдованія его къ мѣсту назначенія. Спрашивается, сколько начальниковъ станцій будетъ повѣшено генераломъ, если всѣ они солидарны по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, и если до мѣста назначенія Орлова имѣется 32 станціи и на каждой изъ нихъ находится начальникъ.

Ради рѣшмы.

I.

Графъ фонъ-Витте обѣщаетъ Манифестъ въ жизнь провести, Но Россія отвѣчаетъ:—
Графъ, меня не *провести*.

II.

Два черносотенца столкнулись при встрѣчѣ (Я передать хочу ихъ рѣчи)—
Одинъ воскликнулъ:— „Ба, Шмаковъ!
Другой:— „Здорово Башмаковъ“.)

III.

— Говорятъ,—въ придворной свитѣ Много лицъ не ладятъ съ Витте?
— Провокаціей слухъ зовите,—
Тамъ горой стоятъ за Витте.

Вл. Ненадо.

ПУЛЕМЕТЪ

ТЕКСТЪ И ТИПЪ
Н. ШЕБУЕВА



Ни одно періодическое изданіе такъ не преслѣдуется правительствомъ, какъ политико-сатирическіе журналы, Гоненія на нихъ начались съ момента выхода въ свѣтъ перваго номера „Пулемета“ Шебуева. Въ настоящее время нѣтъ почти ни одного изъ такихъ изданій, которое бы не было конфисковано и редакторы ихъ не были бы подъ судомъ. Одни ужъ успѣли посидѣть въ „предварилкѣ“, а болѣе счастливымъ удалось откупиться и внести въ обезпеченіе 10.000 руб. Цензурный комитетъ удѣляетъ большое вниманіе сатирическимъ журналамъ, отъ ихъ „опытнаго“ взгляда не ускользаетъ малѣйшій штрихъ художника и въ каждомъ рисункѣ они готовы видѣть оскорбленія Величества. Этому они же ищутъ и въ самыхъ невинныхъ по смыслу фразахъ. Готовы придрасться къ каждому слову и во всемъ видѣть заговоръ противъ государства. Если же почему-либо не удастся ни того, ни другого открыть, то начинается чтеніе такихъ журналовъ особеннымъ способомъ. Складываются они на разные фасы, пока не добьются такого сочетанія либо фразъ или рисунковъ, которымъ легко придать оскорбительный для Величества характеръ. Такъ случилось и съ № 1 „Пулемета“ Шебуева. Особенное Присутствіе С.-Петербургской Судебной Палаты только на основаніи такого оригинальнаго способа чтенія приговорила Шебуева къ аресту на одинъ годъ въ крѣпости. Вотъ что, между прочимъ, указывается въ обвинительномъ приговорѣ.

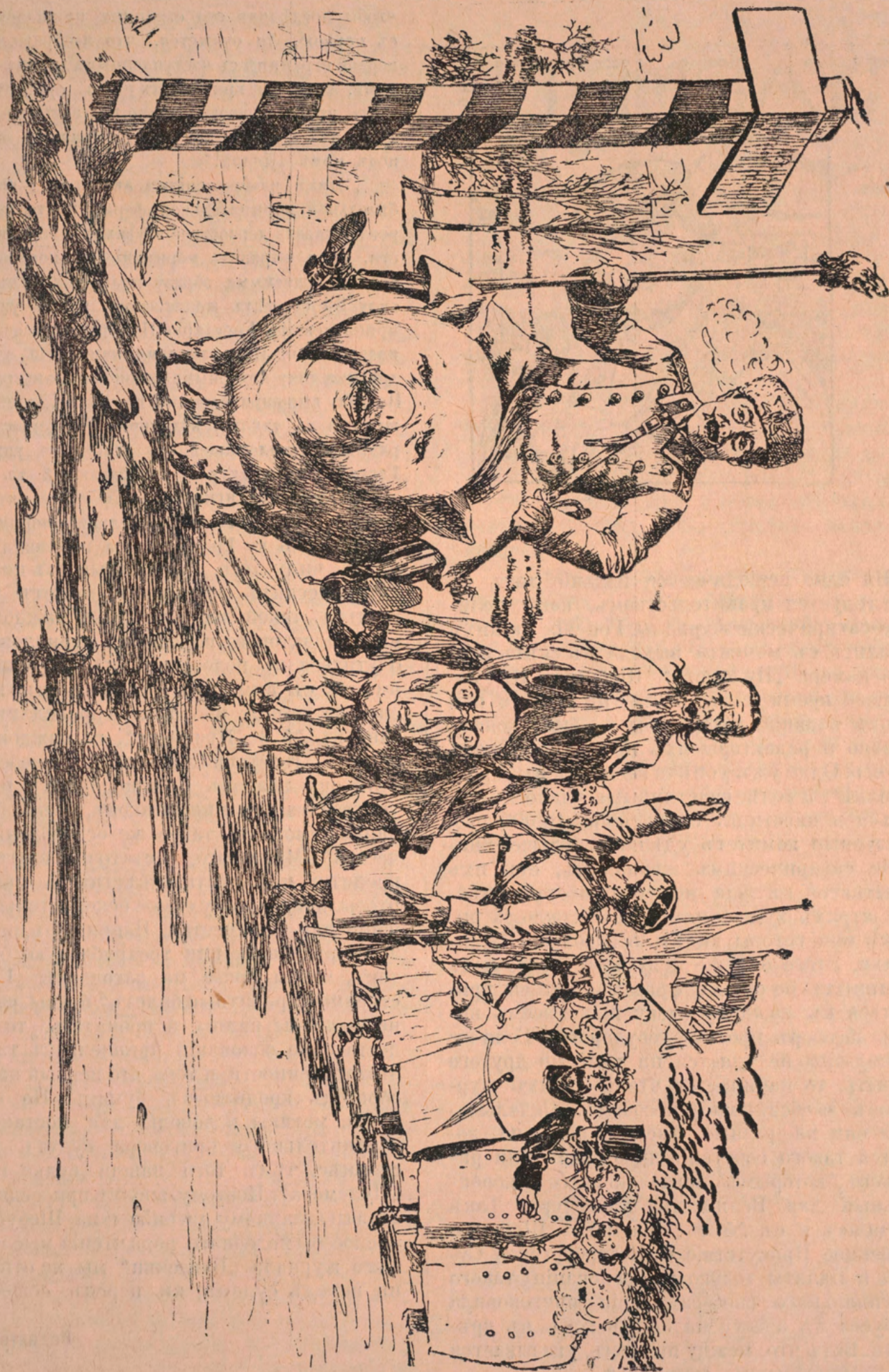
„Если развернуть названный журналъ такъ,

чтобы послѣдняя его страница пришлась рядомъ съ первой, то окажется, что изображенный на первой страницѣ съ изступленнымъ лицомъ и открытымъ, какъ бы кричащимъ ртомъ, ораторъ указываетъ правою рукою именно на текстъ манифеста, а то, что ораторъ кричитъ, выражено подписью подъ нимъ „Долой!“

„Этими изображеніями авторъ въ такой оскорбительной, порицательной формѣ не только намѣренъ оказать дерзостное неуваженіе верховной власти, но и выразить порицаніе установленному законами основнымъ образу правленія, такъ какъ въ силу 80 ст. тѣхъ же законовъ власть управленія принадлежитъ Государю Императору и осуждается издаваемыми Имъ законами манифестъ, указами и другими тому подобными законодательными актами. Поэтому вышеприведенный возгласъ „Долой!“ обращенный къ такому, изданному Государемъ въ порядкѣ принадлежащей ему власти по управленію Государствомъ, акту и возбуждающій къ презрительно дерзкому игнорированію этого акта, несомнѣнно заключаетъ въ себѣ явное порицаніе существующаго въ Россіи образа правленія“.

Въ виду того, что каждый изъ политикосатирическихъ журналовъ можетъ подвергнуться такой же участи и каждому изъ насъ редакторовъ подобныхъ журналовъ легко очутиться въ положеніи г-на Шебуева, то мы вмѣстѣ съ нимъ протестуемъ противъ такого способа чтенія, ибо, какъ справедливо указано въ № 3 „Пулемета“, въ каждой хроникерской газетной замѣткѣ, въ особенности, если она гласитъ о безпорядкахъ или злоупотребленіяхъ чиновниковъ, можно при желаніи усмотрѣть такое же оскорбленіе Величества“. Мало того, достаточно взять любую кредитку и сложить извѣстнымъ манеромъ, чтобы придать ему самое оскорбительное значеніе для Величества. Напримѣръ, если сложить рублевую или трехрублевую бумажку такъ, чтобы фраза на заголовкѣ „Государственный кредитный билетъ“ буквы „сударст“ не были бы видны и прочитатъ, то будетъ достаточно основанія привлечь къ такой же отвѣтственности и того, кто первый написалъ образецъ кредитныхъ бумагъ. По крайней мѣрѣ, мотивы и доводы для постановленія обвинительнаго приговора будутъ гораздо сильнѣе, чѣмъ того нашли судьи въ № 1 „Пулемета“. Поэтому, вполне присоединяемся къ высказанному мнѣнію г-на Шебуева, что за способы подобнаго рода чтенія мыслей и нашего журнала „Нагаечки“ мы не отвѣчаемъ ни передъ судомъ, ни передъ обществомъ.

Редакторъ.



ТЕЛЕГРАММЫ.

Москва. Слухи, что войска перестрѣляли массу женщинъ и дѣтей, невѣрны. Это „мятежники“ заgrimировались въ барышень, сбрили бороду и усы, одѣли дамскія платья и формы гимназистокъ и институтокъ, и въ такомъ одѣяннѣ выходили на улицу, стрѣляли въ войска и строили баррикады.

Петербургъ. За недостаткомъ тюремъ и полицейскихъ участковъ, школы и больницы будутъ временно приспособлены подъ арестные дома.

Бахмутъ. Во время безпорядковъ въ Горловкѣ, по послѣднимъ официальнымъ свѣдѣніямъ, убитъ одинъ чижикъ и ранено три гуся. Свѣдѣнія же частныхъ газетъ, что будто бы тамъ 360 убито и ранено 12,500 человекъ, невѣрны. Войска хотя и стрѣляли залпами, но не... изъ холостыхъ ружей.

Лондонъ. Сегодня, 29 декабря (10 января), въ зданіе биржи прилетѣлъ на воздухоплавательномъ аппаратѣ агентъ русскаго министерства финансовъ для переговоровъ о займѣ. На биржѣ рѣшили денегъ не давать, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что „отъ хорошей жизни не вылетишь“.

Копенгагенъ. Въ газетѣ „Morgenstrom“ напечатана бесѣда корреспондента съ извѣстнымъ устройтеlemъ въ Одессѣ погрома генераломъ Нейдгардтъ. Генералъ не можетъ никакъ понять причины, почему новгородцы не хотѣли допустить его къ себѣ, вопреки

назначенію его помощникомъ губернатора, такъ какъ считаетъ себя еще очень способнымъ на всякія организациі погромовъ. „Я надѣюсь, сказалъ онъ, прочувствованнымъ голосомъ, что „наше время еще придетъ“. Мы еще сможемъ послужить своей родинѣ.

Ліонъ. Среди банкировъ, помѣстившихъ свои капиталы въ русскую государственную ренту, замѣтно учащаются случаи скоропостижнаго самоубійства.

Парижъ. Необычайный наплывъ русскихъ адмираловъ и кавалеръ-орденовъ. Балетта милостиво принимаетъ ихъ по прежнему у себя. Гостиницы переполнены русскими патриотами, вывезшими предварительно свои солидные капиталы.

Рига. 29 декабря. Городъ разукрашенъ висѣлицами и пулеметами. Пушки и пѣхота отправлены для усмиренія и успокоенія латышей.

Ст. Перово. Помощники начальника станціи Ларіоновъ и Орловскій не разстрѣлены войсками, какъ то сообщаютъ газеты, а подняты на штыки.

Ст. Подосинка. Мастеръ Михельсонъ, его родственникъ и двое рабочихъ не повѣшены солдатами, а разстрѣлены.

Ст. Люберцы. Начальникъ станціи Смирновъ и машинистъ Ухтомскій не разстрѣлены, а повѣшены.

Ст. Голутино. Начальникъ станціи Надеждинъ и его помощникъ Калтукинъ не повѣшены, а разстрѣлены. Сообщение, что оба прослужили болѣе 30 лѣтъ, вѣрно.

Открыта подписка на 1906 годъ на еженедѣльный политико-сатирическій художественный журналъ „НАГАЕЧКА“.

Въ журналѣ участвуютъ лучшія литературныя и художественныя силы. Годовые подписчики получаютъ въ премію въ теченіе года серію, состоящую изъ 12 открытыхъ писемъ на злобременныя темы. Подписная цѣна на годъ безъ доставки 2 р. 50 коп., съ доставкой и пересылкой 3 р. 50 к. Книжные магазины и другія лица, представившія шесть подписчиковъ, получаютъ годовой экземпляръ бесплатно. Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ 1 руб., въ Мартѣ 1 руб. и въ Маѣ остальные 1 р. 50 коп. Литературный и художественный матеріалъ просятъ присылать въ редакцію съ обозначеніемъ условій гонорара, имени, фамиліи и адреса автора (исключительно для свѣдѣній редакціи).

Присланный матеріалъ безъ обозначенія условій считается бесплатнымъ. Матеріалъ, признанный редакціей негоднымъ, обратно не возвращается. Объявленія принимаются въ главной конторѣ журнала „Нагаечка“ по 25 коп. за строчку пегита, Лиговка 117, кв. 40. Редакція и контора открыта ежедневно отъ 10 до 1 часу дня и отъ 3 до 5 вечера. Тамъ же редакторъ принимаетъ для личныхъ переговоровъ отъ 3 до 5 часовъ вечера по понедѣльникамъ, средамъ и субботамъ.

Отдѣленіе въ Ригѣ для приѣма подписки, продажи отдѣльныхъ №№ и приѣма объявленій: Большая Кузнечная № 15.

Въ день выпуска оптовая продажа отдѣльныхъ номеровъ производится на 1-й Рождественской ул., д. 10а, кв. 19.



Оптовая продажа отдѣльныхъ номеровъ въ день выхода въ свѣтъ производится 1-я Рождественская, д. № 10 кв. 19.

Издатель Х. М. Кноррингъ.

Отвѣтственный редакторъ А. Ф. Ивановъ.

Въ этомъ № 12 страницъ.